

•ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

Диакон П. М. Шитиков

МЕТАФОРА «ХЛЕБ — ЭТО ЖИЗНЬ» В ЕВАНГЕЛИИ ОТ ИОАННА

В данной статье предлагается рассмотреть перспективы применения к библейским текстам методов когнитивной лингвистики. Цель автора — показать, что анализ метафорических концептов с позиций когнитивной теории позволяет преодолеть проблемы субъективности интерпретаций отдельно взятых метафор. Для этого рассматриваются основные теоретические и методологические принципы когнитивных исследований и демонстрируется их применимость к библейским текстам. В качестве материала выбран метафорический концепт «ХЛЕБ — ЭТО ЖИЗНЬ» в Евангелии от Иоанна.

Ключевые слова: *метафора, когнитивная лингвистика, концепт, образная речь, Евангелие от Иоанна.*

Авторы Евангелий передают речь Христа, насыщенную метафорами и притчами. Эта необычайная образность речи Учителя порой заставляла учеников обращаться к Нему за разъяснениями. В послеапостольский период стала складываться практика толкования слов Христа, которая со временем превратилась в мощную экзегетическую традицию. При этом разнообразие интерпретаций все же оставляет читателя перед выбором

варианта точного значения. Наиболее сложным объектом понимания можно уверенно назвать метафору. В классическом представлении, метафора — это фигура речи, с помощью которой мы обычно говорим об одних вещах в терминах другой и которая изначально служит заменой буквального значения. Поиск изначального смысла метафоры приводит к проблеме адекватности интерпретаций и перевода. Поскольку контекст и семантическое окружение образа часто неочевидны для современного читателя, ему остается лишь довериться компетентности толкователей, а недоступность оригинального текста заставляет полагаться на честность переводчиков. Тем временем, как экзегеты, так и переводчики, нередко приносят в текст значительную долю субъективности.

В данной статье предлагается рассмотреть перспективы применения к библейским текстам методов когнитивной лингвистики, популярной в последние десятилетия. Это относительно новое направление исследований в области библеистики, в связи с чем говорить о выработанной методологии не приходится. Тем не менее, ряд западных авторов предпринимали попытки концептуального анализа метафорических высказываний Библии. В первую очередь здесь надо упомянуть работы А. Вежбицкой¹, Б. Хоу², в которых решается задача полноценного анализа новозаветных концептов. В отечественной библиографии последних лет также появились публикации, посвященные данной тематике. Достаточно упомянуть замечательное исследование Е. Б. Яковенко³, в котором анализируется концепт человека в библейской концептосфере. Цель автора данной статьи — показать, что анализ метафорических концептов с позиций когнитивной теории позволяет преодолеть проблемы субъективности интерпретаций отдельно взятых метафор. Для этого следует рассмотреть основные теоретические и методологические принципы когнитивных исследований и убедиться в их применимости к библейским текстам. В качестве материала выбран метафорический концепт «ХЛЕБ — ЭТО ЖИЗНЬ» в Евангелии от Иоанна.

Достижения когнитивной лингвистики XX в. позволили обратить

¹ *Wierzbicka A.* What did Jesus mean? Explaining the Sermon on the mount and the parables in simple and universal human concepts. Oxford, 2001.

² *Howe B.* Because you bear this name: conceptual metaphor and the moral meaning of 1 Peter. Brill; Leiden; Boston, 2006.

³ *Яковенко Е. Б.* Homo Biblicus: языковой образ человека в английских и немецких переводах Библии (опыт концептуального моделирования). М., 2007.

внимание на познавательные свойства метафоры. Собственно, именно в рамках когнитивной лингвистики метафора впервые стала рассматриваться как самостоятельный объект исследования. Прославленные философы языка Джон Лакофф и Марк Джонсон в своей работе «Метафоры, которыми мы живем» показали, что метафора определяет когнитивные процессы человека, при этом концепты, сформулированные на довербальном уровне, обладают высокой степенью универсальности в рамках культурной картины мира. Авторы убедительно доказали, что метафора коренится в повседневной речи и имеет основания в человеческом опыте жизни: «Большая часть обычной понятийной системы человека структурирована с помощью метафор: т. е. большинство понятий понимается с помощью тех или иных частей других понятий»⁴. Мы действительно живем и мыслим метафорическими концептами, которые зачастую остаются неосознанными. По наблюдению Д. Е. Грэди, метафора, в рамках когнитивной лингвистики, представляет собой уже не отдельно взятое образное высказывание, а комплекс концептуальных ассоциаций⁵.

Понятие «концепт» является одной из основных категорий когнитивной лингвистики. В своем «Словаре когнитивных терминов» Е. С. Кубрякова, суммируя достижения западных когнитологов, констатирует, что концепт «отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания»⁶. Важно, что информация, сформированная посредством концептов, может включать как сведения об объективном положении дел в мире, так и сведения о воображаемых мирах и возможном положении дел в этих мирах. Концепт — это сумма знаний человечества, которая может быть представлена как универсальный предметный код (см. Н. Н. Жинкин, Л. С. Выготский), выступающий в качестве основы коммуникации.

В случае с метафорой происходит сдвиг, когда целевой (референт) концепт, являющийся объектом внимания, мыслится в терминах исходного (коррелят) концепта, который служит источником образности. Этот двуединый метафорический концепт в свою очередь служит основой ме-

⁴ *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. С. 93.

⁵ *Grady J. E.* Metaphor // *The Oxford handbook of cognitive linguistics.* Oxford, 2007. P. 188.

⁶ *Кубрякова Е. С.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997. С. 90.

тафорического мышления. Дж. Лакофф и М. Тернер отмечают, что число таких базовых метафорических концептов очень невелико. Хотя они могут быть скомбинированы и использованы в новом контексте и поэтических выражениях, однако это многообразие создано из очень немногих базовых метафор. Поэты могут использовать такие метафоры по-новому, но базовый концептуальный ресурс, который используется, остается все тем же. Если это не будет соблюдаться, тогда мы не сможем понять его⁷. Согласно этому принципу базовые концептуальные метафоры рассматриваются как организующая сила для целых групп высказываний, поэтических и повседневных. Исследователи подчеркивают необходимость проводить различие между отдельными метафорическими высказываниями, имеющими основание в языке, и концептуальной метафорой, которая служит их основой⁸. К. Мюллер убедительно показала, что живые и кажущиеся мертвыми метафоры, по сути, являются рефлексами активированных концептуальных метафор⁹.

Поскольку за метафорическими высказываниями стоит метафорический концепт, при семантическом анализе следует отказаться от выявления смысла отдельных образных выражений, но рассматривать их как средства, через которые чаще всего манифестируется концепт в речи. Посредством лингво-когнитивного анализа исследователь переходит от содержания значений к содержанию самого концепта. И. А. Стернин предложил такую последовательность анализа концепта в тексте:

- определение интересующего нас концепта;
- выявление ключевых слов-репрезентатов данного концепта в языке;
- анализ семантики данных единиц;
- построение структуры концепта по данным лингвистики¹⁰.

Перспективы применения данной методологии к библейским текстам предлагается проследить на примере метафорического концепта

⁷ *Lakoff G., Turner M. More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. Chicago, 1989. P. 26.*

⁸ См.: *Kövecses Z. Metaphor: a practical introduction. Oxford, 2010. P. 4.*

⁹ *Müller C. Metaphors Dead and Alive, Sleeping and Waking: A Dynamic View. Chicago, 2008. P. 103.*

¹⁰ *Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 61–62.*

«ХЛЕБ — ЭТО ЖИЗНЬ», представленного в Евангелии от Иоанна. Примеры приводятся по греческому тексту Nestle-Aland и русскому Синодальному переводу. В связи с ограниченностью объема статьи приведенная выборка является иллюстративной и не отражает всех случаев употребления выявленных слов-репрезентатов.

Метафора «ХЛЕБ — ЭТО ЖИЗНЬ» является основой проповеди о Хлебе Небесном, которая приводится в 6 главе Евангелия Иоанна. Образ Хлеба последовательно раскрывается в цепочке метафорических выражений:

1. ἐργάζεσθε μὴ τὴν βρῶσιν τὴν ἀπολλυμένην ἀλλὰ τὴν βρῶσιν τὴν μένουσαν εἰς ζωὴν αἰώνιον. 6. 27	1. Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную
2. οἱ πατέρες ἡμῶν τὸ μάννα ἔφαγον ἐν τῇ ἐρήμῳ, καθὼς ἐστὶν γεγραμμένον, Ἄρτον ἐκ τοῦ οὐρανοῦ ἔδωκεν αὐτοῖς φαγεῖν. 6. 31	2. Отцы наши ели манну в пустыне, как написано: хлеб с неба дал им есть
3. οὐ Μωϋσῆς δέδωκεν ὑμῖν τὸν ἄρτον ἐκ τοῦ οὐρανοῦ, ἀλλ' ὁ πατήρ μου δίδωσιν ὑμῖν τὸν ἄρτον ἐκ τοῦ οὐρανοῦ τὸν ἀληθινόν. 6. 32	3. Не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес
4. ὁ γὰρ ἄρτος τοῦ θεοῦ ἐστὶν ὁ καταβαίνων ἐκ τοῦ οὐρανοῦ καὶ ζωὴν διδούς τῷ κόσμῳ. 6. 33	4. Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру
5. Ἐγὼ εἰμι ὁ ἄρτος τῆς ζωῆς. 6. 35, 48	5. Я есмь хлеб жизни
6. Ἐγὼ εἰμι ὁ ἄρτος ὁ καταβάς ἐκ τοῦ οὐρανοῦ. 6. 41	6. Я есмь хлеб, сшедший с небес
7. οὗτός ἐστιν ὁ ἄρτος ὁ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ καταβαίνων ἵνα τις ἐξ αὐτοῦ φάγῃ καὶ μὴ ἀποθάνῃ. 6. 50	7. Хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет

8. ἐγὼ εἶμι ὁ ἄρτος ὁ ζῶν ὁ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ καταβάς. 6. 51

9. ἐάν τις φάγη ἐκ τούτου τοῦ ἄρτου ζήσει εἰς τὸν αἰῶνα. 6. 51

10. καὶ ὁ ἄρτος δὲ ὃν ἐγὼ δώσω ἢ σὰρξ μου ἐστὶν ὑπὲρ τῆς τοῦ κόσμου ζωῆς. 6. 51

11. ἐὰν μὴ φάγητε τὴν σάρκα τοῦ υἱοῦ τοῦ ἀνθρώπου καὶ πίνητε αὐτοῦ τὸ αἷμα, οὐκ ἔχετε ζωὴν ἐν ἑαυτοῖς. 6. 53

12. ὁ τρώγων μου τὴν σάρκα καὶ πίνων μου τὸ αἷμα ἔχει ζωὴν αἰώνιον. 6. 54

13. ἢ γὰρ σὰρξ μου ἀληθῆς ἐστὶν βρωσίς. 6. 55

14. οὗτός ἐστιν ὁ ἄρτος ὁ ἐξ οὐρανοῦ καταβάς <...> ὁ τρώγων τοῦτον τὸν ἄρτον ζήσει εἰς τὸν αἰῶνα. 6. 58

8. Я хлеб живой, спешший с небес

9. Ядущий хлеб сей будет жить вовек

10. Хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира

11. Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни

12. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную

13. Ибо Плоть Моя истинно есть пища

14. Сей-то есть хлеб, спешший с небес <...> ядущий хлеб сей жить будет вовек

Контекст образа легко определим. Посредством таких слов, как «манна», «Моисей», «голод» и «хлеб с неба» создается связь с событиями Исхода (гл. 16), где Бог дал манну Своему голодному народу в пустыни. Таким образом, манна рассматривалась как символ того, как Бог сохранил Свой народ чудесным образом. Если Иисус пришел от Бога Моисея и сохраняет Его традиции, от Него ожидали подобного знака (Ин 6. 30). Метафорически «голод в пустыне» — то есть в условиях крайней нужды — формирует основную ассоциативную связь, в рамках которой должен восприниматься дар Божий. Опираясь на хорошо известный образ, автор Евангелия выстраивает новый метафорический ряд, в котором событиям Книги Исход придается христоцентричный характер. В основе образа

лежит дихотомия концептов «ГОЛОД — СМЕРТЬ» и «ХЛЕБ — ЖИЗНЬ», объединенных в метафоре, получившей в Евангелии новые референты.

Основание указанных концептов коренится в физическом опыте древних обществ. Понятие голода для древнего средиземноморского общества имело прямую референцию со смертью. Анализ древнегреческих источников свидетельствует о том, что голод мыслился в категориях смерти, а хлеб, в свою очередь, осознавался как источник жизни. Профессор Ван дер Ватт в своей статье приводит ряд цитат, связанных с голодом в древнем обществе¹¹, которые отражают всю глубину и силу ассоциаций в метафоре.

В писаниях греческих философов голод описывается как нечто весьма неприятное. Он связан с болью, дискомфортом и даже болезнью (Аристотель. Никомахова этика. 3, 5). Как заметил Сократ в диалоге «Филеб»: «Голод это разбитость и боль»; и «жажда и голод — это разрушение и боль». Платон в «Республике» отмечает: «Самая печальная судьба — умереть от голода». Голод — убийца животных и людей и поэтому страшен. Эпиктет утверждал, что человек, который не страдает от жажды и голода, поистине счастлив. Конечно, автор Евангелия от Иоанна не имел в голове эти цитаты, когда писал свой текст, однако они показывают нам, как голод воспринимался в древнем средиземноморском обществе.

В Ветхом Завете голод и жажда также оцениваются весьма негативно (Втор 8. 3; 28. 48; 32. 24; Иов 30. 3), и эта тенденция сохраняется в Новом Завете. Голод и жажда перечисляются в ряду ужасов последних времен (Мф 24. 7; Мк 13. 8; Лк 21. 10; Откр 6. 8; 18. 8). Важно учитывать, что древние связывали голод с гневом богов, которые служили гарантией получения пищи (Пс 33. 10; Ис 49. 10; Езек 34. 29; Откр 7. 16). В Ветхом Завете голод и жажда рассматривались как наказание от Бога. С другой стороны, вся пища понималась как дар Божий (Втор 14. 4). Именно во времена голода и жажды Бог являл Себя спасителем в нужде (Исх 16. 3–5; 17. 3–7; Пс 106. 36–38).

Таким образом, концепты «ГОЛОДА — СМЕРТИ» и «ХЛЕБА — ЖИЗНИ» имеют глубокие социокультурные основания. Автор Евангелия успешно использует когнитивные ассоциации для построения ново-

¹¹ *Watt J. G. I am the Bread of Life. Imagery in John 6. 32–51 // Acta Theologica. 2007. № 2. P. 186–204.*

го концепта «ХРИСТОС — ХЛЕБ ЖИЗНИ». Достаточно просто проследить символические связи образа. Пример истории Исхода, со ссылкой на Моисея, манну и пустыню, формирует фон для образа, употребленного в данном случае (см. пример 2). Следует обратить внимание на отсылки к истории Исхода, связанные в свою очередь с социокультурным контекстом, с которыми автор Евангелия был хорошо знаком. А. Кестенбергер указал на целый ряд ветхозаветных аллюзий в данном небольшом отрывке Евангелия¹². Основание образа — это народ Божий в пустыне, который был голоден до смерти и который ожидал помощи от Бога (Исх 16. 1–7). В этом контексте недостаток еды и питья представлял серьезную угрозу существованию этих людей. Это служит основанием метафоры хлеба как главной составляющей пищи. В этом контексте голода отсылка к Иисусу как хлебу жизни создает его существенные метафорические черты. Хлеб — это не только удовольствие, но и необходимость, когда голод одолевает в пустыне. Манна в пустыне, которая спасла страждущий народ, сравнивается с хлебом жизни, предназначенным для той же цели в духовном смысле.

Люди просили знака, соотносимого со знаком, данным в пустыне, когда их предки получили манну. Манна, соответственно, является символом Божией заботы. Манна имеет определенные символические качества в ветхозаветной и еврейской традиции. Она может быть символически соотнесена с еврейскими эсхатологическими ожиданиями и даже служить образом Торы и Мудрости¹³. В рамках данных символических связей Иисус убеждает людей, что Отец вновь посылает пищу в их нужде. В их время это не манна, а Личность (пример 4). Это решающая связь в формировании метафорической природы данного пассажа. Манна персонифицируется, и таким образом подготавливается путь к явному выражению нового содержания метафоры (примеры 5, 6). Иисус метафорически функционирует как истинная манна, истинный хлеб с небес, и должен быть понят в этой перспективе со всеми символическими связями.

Дальнейшее развитие метафорического образа происходит в плоскости евхаристической терминологии. В примерах 10–13 вводится новый компонент концепта «ПЛОТЬ». Автор еврейского перевода Евангелия

¹² Кестенбергер А. Евангелие от Иоанна // Ветхий Завет на страницах Нового: В 4-х т. / ред. Г. К. Бил, Д. А. Карсон. Т. 2. Евангелие от Луки, Евангелие от Иоанна. Черкассы, 2011. С. 339–345.

¹³ См.: Painter J. Jesus and the quest for eternal life // Critical readings of John 6 / ed. by Culpepper. Leiden, 1997. P. 61–94.

Д. Стерн указывает, что образ вкушения Плоти не должен был шокировать слушателя, поскольку еврейская традиция позволяет символически интерпретировать выражение «пища и питье». Есть Плоть Сына Человеческого — значит впитывать Его суть и образ жизни¹⁴. К тому же греческое слово «плоть» — σάρξ может обозначать и человеческую природу в целом. Опираясь на привычный образ Хлеба-манны как коррелята спасению-жизни, автор переносит акцент на жизнь вечную, условием приобретения которой служит Плоть Христа — Хлеб Небесный (примеры 11, 12).

Таким образом, очевидно, что в рассматриваемом отрывке Евангелия происходит явная трансформация базового концепта. Автор задает новый когнитивный фон привычным образам и так формирует новый тип мышления. Основные слова-репрезентаты, употребляемые в Ветхом Завете для описания опыта пребывания в пустыне, в Новом Завете приобретают значение когнитивных категорий.

На основании рассмотренных примеров можно проследить, какие семантические трансформации произошли в значении слов-репрезентатов, выделенных как основные:

Репрезентат	В Ветхом Завете	В Евангелии от Иоанна
Пища (βρώσις) Хлеб (ἄρτος)	Отражают практический опыт ежедневной заботы об обеспечении жизни. Иметь пищу — значит буквально жить, не иметь ее — значит умереть. Хлеб небесный (манна) послужила спасением в смертельной опасности в пустыне.	Служат составляющей концепта, где хлеб — это источник спасения от духовной смерти, орудие достижения жизни вечной (пример 1). В Ин 4. 34 раскрыто коннотативное значение пищи: «Моя пища (βρώμα) есть творить волю Пославшего Меня».

¹⁴ Стерн Д. Комментарий к еврейскому Новому Завету. М., 2004. С. 248.

<p>Жизнь (ζωή) Жить (ζάω) Умирать (ἀποθνήσκω)</p>	<p>Манна обеспечила евреям в пустыне жизнь, поддержала их физические силы, но не изменила природы. Христос верно напоминает: «Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли (ἀπέθανον)» (Ин 6. 49).</p>	<p>Второй элемент метафоры. Хлеб небесный обеспечивает жизнь вечную (примеры 7, 9): «ядущий его не умрет (μὴ ἀποθάνῃ)» и «будет жить (ζήσῃ) вовек». Жизнь вечная — центральный образ Евангелия, значение которого раскрывается в Ин 17. 3: «Сия же есть жизнь вечная (ἡ αἰώνιος ζωή), да знают Тебя, единого истинного Бога».</p>
<p>Христос (ἐγώ εἰμι) Плоть (σάρξ)</p>		<p>Завершающий элемент концепта, который вводит новое значение в образ «ХЛЕБ — ЖИЗНЬ», которое невыводимо из контекста. Примеры 10–12 раскрывают метафору. Негативная реакция слушателей подтверждает ее новаторские свойства.</p>

Итак, структура рассматриваемой метафоры может быть представлена следующим образом. Центральным концептом служит «ХЛЕБ», коррелятом которого выступает «ЖИЗНЬ». Рассмотренный выше социокультурный контекст этих концептов подразумевает ряд инференций (ГОЛОД, СМЕРТЬ, ЕСТЬ), которые создают фон коррелятного домена. В этом виде метафора «ХЛЕБ — ЭТО ЖИЗНЬ» опирается на непосредственный опыт человечества и, в частности, на опыт голода в пустыне еврейского народа. Автор Евангелия расширяет диапазон мета-

форы посредством добавления нового референта «ХРИСТОС/ПЛОТЬ», относительно которого концепт «ХЛЕБ» выступает коррелятом. Этим достигается связь привычной концептуальной картины с новым значением. «ХРИСТОС» мыслится в категориях «ХЛЕБА ЖИЗНИ», и этот новый метафорический концепт служит основой самостоятельных метафорических высказываний (примеры 5–13).

Следует отметить, что последний, «новаторский» элемент метафорического концепта вводится не сразу. Автор позволяет слушателям вспомнить исторический контекст привлекаемого образа манны, чтобы наложить на него новый слой ассоциаций. Примечательна и форма введения этого элемента. В примерах 5, 6, 8 автор использует выражение «Я ЕСМЬ», которое апеллирует к событию богоявления в горящем кусте, когда Бог назвал Себя Моисею: ἐγώ εἰμι ὁ ὤν (Исх 3. 14). По мнению исследователей, выбор такой формы презентации сознательно ставит акцент на Божественном происхождении Говорящего¹⁵. Достаточно вспомнить реакцию стражников, павших ниц при словах ἐγώ εἰμι в Гефсиманском саду (Ин 18. 6), чтобы признать значимость данной формы выражения. Подобная схема введения метафорической номинации Христа встречается в Евангелии от Иоанна 7 раз с различными референтами и сознательно позиционируется как акт теофании.

Этот факт согласуется с принципами метафорической теологии, в рамках которой метафора рассматривается как единственная возможность что-либо говорить о Боге утвердительно¹⁶. В примерах 5, 6, 8 из уст Христа звучит откровение о Себе Самом как о хлебе жизни. Восприятие этих слов как когнитивных основ богословия предоставляет новые средства для богословия Евхаристии. В рамках метафорического богословия ПЛОТЬ ХРИСТА как ХЛЕБ рассматривается не как отвлеченный образ, но и не как буквальная истина. Это концепт, формирующий парадигму мышления верующего человека. При этом основание данного концепта продиктовано Самим Христом.

Применение принципов когнитивной теории метафоры к библейским текстам оказывается достаточно результативным. Для известного исследователя метафорических концептов А. Вежбицкой очевидно значение введения в библейские исследования категории концепта. Ссы-

¹⁵ Carson D. A. The Gospel according to John. Leicester, 1991. P. 289.

¹⁶ Soskice J. M. Metaphor and Religious Language. Oxford, 1987. P. 106.

лаясь на Лейбница и Паскаля, она показала, что концепт служит той нерасщепляемой единицей интерпретации, которая не подразумевает дальнейшего поиска толкований: «Если понимание основывается на базовых концептах, которые объясняют сами себя на интуитивном уровне и не требуют последующих пояснений, то любые толкования здесь неуместны, поскольку они часто основаны на субъективном опыте»¹⁷. Значительная часть изречений Иисуса Христа, по ее мнению, в результате семантического анализа обретает универсальное значение, что, в свою очередь, имеет важные этические последствия. По мнению Б. Хоу, анализ когнитивной метафоры, основанной на воплощенном универсальном опыте человека, делает возможным соотнесение морального языка и дискурса писателей Нового Завета и его современных читателей¹⁸. Проведенный в данной статье анализ убедительно показал, что концептуальная картина мира у автора Евангелия имеет когнитивные основания, доступные и современному человеку.

¹⁷ *Wierzbicka A.* What did Jesus... P. 6–7.

¹⁸ *Howe B.* Because you bear this name... P. 5.

Deacon Petr M. Shitikov

THE METAPHOR OF “BREAD — IS LIFE” IN GOSPEL OF JOHN

In this paper the author suggests analyzing biblical text, using the techniques of cognitive linguistics. The purpose of the author is to show that the analysis of metaphorical concepts from the standpoint of cognitive theory can overcome the problem of individual metaphors subjective interpretation. To prove this point the author considers the main theoretical and methodological principles of cognitive studies and demonstrates their application to biblical texts. The metaphorical concept “BREAD — IS LIFE” in Gospel of John was chosen as the example.

Keywords: *metaphor, cognitive linguistics, concept, metaphoric speech, Gospel of John.*